

Павел Кренёв

МАРГАРИТА ГЛЕБОВНА

Рассказ

Комочек явно шевелился. Егорша Петров сидел около маячной избушки, разглядывал морской берег и само море. Любимое у него это дело – глазеть с пригорка на раскинувшийся простор. Там все в движении. А на берегу среди неподвижных предметов любое шевеление сразу же заметно. Что-то маленькое, коричневое высунулось из-за ската холма, почти уткнувшегося в море и как-то несуразно медленно, покачиваясь, тычась в бревна, распластанные по песку, двигалось по направлению к нему.

Явно не горностаи. Те гибкие, тоже коричневато-сероватые в летнюю пору, шныряли с лихой скоростью между бревен, среди выброшенного на берег плавника. У них одна забота – выследить зазевавшуюся мышку, да в момент схрумкать. А эта животинка передвигается еле-еле. То, видно что обессиленная, медленно ступает на маленьких ножках, то лежит-полеживает на боку, не в силах подняться.

Кто же это?

Егорша сильно заинтересовался. Судя по размерам, было сразу понятно, что это не полноценный зверь, а детеныш какого-то зверя. Он сбегал в избу и принес бинокль, уткнулся в окуляры.

Да, откуда-то, из каких-то неведомых мест в сторону деревни кандыбал маленький щенок. Очевидно было, что совсем потерял он силы, лапки его подгибались и заплетались. Он и головку свою не мог пока что держать, как полагается собаке, а клевал ею постоянно и мордочкой бороздил по песку.

Эх ты, беда!

Егорша быстренько вскочил, заторопился. Уставший щенок лежал, упиравшись спинкой о всосанное в песок бревно. Однако, на подошедшего к нему человека отреагировал: приподнял головку и оскалил зубки – видно, не видал еще людей. Егорше это понравилось:

- Вишь ты, какой зверюга! Ногу у меня не откуси.

Он поднял щенка и положил на согнутую в локте руку. Разглядел. Был тот весь в песке, мокрый, шкурка в репейнике, в мелких сучках, налипших листьях и травинках. Накрыл его другой рукой и понес к избушке. Щенок сидел тихо. Дышал только часто, наверное, от страха. Рука чувствовала, как молотит внутри маленького тельца взволнованное сердечко.

Слава Богу, сохранились еще в бутылке, привезенной из дома, остатки коровьего молока. Егорша поставил найденыша в угол избушки, налил молока в старое блюдо и расположил его перед мордочкой. Покрошил в него хлебных крошек. Было очевидно, что щенок до этого никогда не ел ни молока, ни хлеба, но – откуда что берется? – набросился на еду. Сначала, чавкая, фыркая и откашливаясь, вылакал молоко, а затем мигом умял и мякиш. Съел все, вылизал блюдо, вынюхал пространство вокруг. Еды больше не наблюдалось. Он постоял еще малость на нетвердых своих ножках, покачался из стороны в сторону и вдруг с легким грохотом рухнул набок с уже закрытыми глазами: уснул от усталости.

- Да, брат ты мой, - подытожил с удовольствием Егорша, - с голодухи ты не помрешь, эт точно!

Щенок лежал на боку около кормушки, посапывал в крепчайшем сне и повизгивал, иногда тоненько взлаивал: отгонял, наверно, во сне злых медведей и волков. А новый его хозяин сидел на лавке рядом, разглядывал и размышлял: откуда взялся он здесь, на диком морском берегу, один-одинешенек, голоднющий? Где его мать, почему бросила его, своего детеныша?

Тут припомнил он, что по весне, месяц примерно назад, пробежала по берегу мимо его избы молодая сука, по виду беременная, с толстым пузом. Трусилась еле-еле куда-то в сторону от деревни. Егорша еще подумал: куда собралась животинка с эдаким-то брюхом? Оценится, не приведи Господи, где-нибудь по дороге... Видать, какие-то неотложные собачьи дела позвали ее в путь...

Наверное, в самом деле, она и оценилась

Он решил так: собака стремилась к своему хозяину, жила с выводком сколько могла жить, кормилась как-то, подняла щенят до момента, когда они

стали зрячими и способными хоть как-то самостоятельно искать пищу и ушла. Ничего тут не поделаешь, у зверей свои законы, иногда беспощадные.

Наверно, щенки погибли без мамки. А этот, упорный, дошел... Пришел вот к нему. Сытый, поел, лежит теперь, пыхтит во сне... Разбойник, зверюга... Надо возвращать тебя к жизни... Будем обитать вместе.

Щенок спал, а Егорша Петров выковыривал из его шерсти всякий налипший мусор и расчесывал волосики старым своим гребешком.

Всех дел не переделаешь, хотя бы успеть главное. Егорша обошел и проверил за эти дни подведомственное хозяйство: три створа, одиннадцать маяков. Везде и всюду надо что-то ремонтировать, подправлять, менять баллоны с ацетиленом, которые питают фитили в маячных колбах. Какой маяк загорится, когда газ не поступает? Маяк – устройство большой инженерной тонкости. Сильно выручает то, что Петров давно уже работает в гидрографической службе Северного флота и хорошо разбирается в маячных устройствах. Сразу видит причину любой неисправности, начальство его уважает и доверяет ему.

Все проверено, все в полном порядке.

Он заторопился в деревню, домой. И там его ждало много дел. Уже качался на воде катер, уже залит был бачок свежим бензином, и нужный скарб был уже на борту.

Но... Егорша очень любил лес... Без него никак нельзя. Он скакнул в чащу, которая стеной подпирала море, нырнул в нее... Плюхнулся на бугорок, весь повитый мохнатыми веточками воронихи, поерзал на нем маленько, понежился и уселся, затих.

Вокруг висела, стояла, лежала форменная благодать, благостно-благоуханная, ненаглядная. Он сидел с растопыренными ноздрями, глубоко втягивал в грудь густой лесной настой – лучший в мире одеколон, из всех придуманных и созданных Господом Богом. Разглядывал Лес...

Рядом шнырял и уже бойко разыскивал дичь отоспавшийся, вполне откормленный за последние дни, щенок по кличке Друг – такое имя присвоил ему его хозяин Георгий Петров, в деревне которого зовут гораздо проще – Егорша. Щенок уже вовсю осваивал окружающий мир: засовывал свой носик во все норки – дырки, ворчал, взлаивал... А Егорша, глядя на него, радовался: хорошая будет лайка.

Ну, вот и все, подышал лесом, налюбовался, теперь можно домой.

Дома, как всегда, встретили материнская радость и привычные ее сетования, что «сынок-от из дому летат, како шальной какой», что «в дому не быват» и добродушная материнская же ругань, «лучше бы к женочке какой сбегонул, да дитё како приташил, а я бы с им нянькалась, бабка стара. Лъзя равзе стару старушку безо внука дёржать. Я ить стосковалась по ёму».

Собаку Друга Настасья Никитишна встретила сдержанно. Тот встал напротив нее, привзнял голову и пару раз взлаял.

- Этто ишше штё тако? Откуль экой страшной ведмедина выискалсе? Испужал страхи Божьи! На меня, на родну бабку, он ругачче пришел!

Она наклонилась, сгребла щенка старой заскорузлой ладонью, подволокла к себе.

- Ну-кось, погляжу я на тебя, на огудана.

Положила щенка на согнутый свой локоть, скрюченными подагрой пальцами погладила маленькую спинку, вгляделась в мордочку... Потом развернула животиком кверху, изучила внимательно все предметики... Поставила обратно на пол:

- Ладнось, живи у меня, коли нахал такой.

А сыну сказала:

- Хорошой кобелек будёт, ладной. И на птичу пойдет и на зверька...

Никитишна знахарка та еще. Как скажет, так оно и будет. Завсегда так.

- Все-то ты, Егорушко, в дому посиживашь, как бирюк какой. Так-то равзе жёнку найдешь каку?

- Куды ийти-то, мама?

- Как это куды? Будто не знаешь, хоть бы в клуб зашел, да посмотрел, нет ли какой, заваляшшой.

- Вот, мама, ты все об этом, да об этом.

- А об чем мне ишше сказывать-то? Как в головы сидит. Внучка мне надоть, вот и все!

Она, сидя за прядением, распрямилась на стульчике, внимательно посмотрела на сына:

- Не молодой уж бывает, да и я тухлява... Надо бы тебе...

Егорша глотнул стопочку и засобирился. С матерью он не спорил.

Давненько не бывал в клубе. Там было как-то беспокойно, шумновато и бестолково – поотвык он от такой обстановки. Оставался примерно час до невесть какого сеанса. В бильярдной остался в рабочем состоянии лишь один кий. Шары тоже все были со сколами. Егорша понимал в бильярде толк, но как тут было играть? Играть было невозможно. Да никто, в общем, и не играл. Народ бесцельно бродил из угла в угол, курил, разговаривал...

Как прожить целый час в этой бестолковке? К бильярдной примыкала библиотека. Егорша туда редко заглядывал. Это помещение его мало интересовало. Начитался за среднюю школу и техникум по горло. Хватит! И дома чтива хватало: журнал «Охота и рыбалка», который он выписывал, пара газет... Куда еще! В курсе событий и достаточно.

Ну, зашел, отчего не зайти, коли делать все равно нечего. Походил между полок и стеллажей, поглазел на разноцветные книжные корешки... Время было, вот и проявил интерес...

В глазах пестрело от обилия названий и имен авторов. Давненько он не сживал за хорошей книжкой. От этой мысли где-то в сокровенном уголке души шевельнулась хмурая пришелица – укоризна и стала потихоньку требовать возврата внимания к хорошим книжкам, до которых Егорша всегда был большой охотник. Да вот забросил этот интерес из-за большого пристрастия к своей работе, ради которой не жалел времени.

И, повинувшись голосу этой самой укори́зны, принялся он мусолить глазами цветастые корешки, выстроившиеся рядами на полках, начал разглядывать надписи на картонных закладках, выступающих из этих стройных шеренг.

«Военная публицистика», «Мемуарная литература», «Исторический роман», «Классическая детская литература»...

«Во, понаписано, чего взять-то, едрен-батон?»...

Так он ходил, скользил глазами по книжному изобилию, но все это было как бы впустую, механически. Он просто не знал, чего брать? Трудно подступаться к этому огромному миру, которого совсем не знаешь. Он отстал от времени, от жизни. Все ушли вперед, а он отстал, застрял в своих мелких заботах-проблемишках, заиклился на не нужных, наверно, никому маяках...

Взгляд застрял на книге, автор которой носил красивое имя Эрих Мария Ремарк. Имя это не раз уже встречалось ему на уроках, в разговорах о литературе, в радио и телепередачах...

- Ну-ко, ну-ко, - сказал сам себе Егорша, и, сняв книжку с полки, стал ее разглядывать.

«Триумфальная арка», роман – золотилась надпись на вполне блеклой, светло-зеленой обложке.

Он подхватил стоящую в углу табуретку, придвинул ее к стеллажу и, качнувшись для надежности туда-сюда, уселся.

«Женщина шла наискосок через мост прямо на Равика»...- поначалу чтение было скучным.

«Примитивненько пишет,- подумалось Егорше,- я бы не хуже сказал».

Но постепенно события стали разворачиваться все интереснее. Вот уже видно, что у героев стали проявляться какие-то чувства.

«Ну, поглядим, чего они там дальше-то? Любовь, наверно, опять... А как же. Так в книжках положено...» - Егорша заерзал на табуреточке.

И вот тут в ситуацию встрял голос какой-то молодухи:

- Так-так, чем заинтересовались, молодой человек? Требуется ли помощь какая?

Егорша вывернул тело на этот самый голос и от неожиданности чуть было не сполз ненароком на пол.

Перед ним стояла невысокая, худенькая, вполне симпатичная, но какая-то приплюснутая что ли, действительно молоденькая то ли девушка, то ли женщина. Она стояла перед окном в потоке света, льющемся с улицы, и свет этот слегка размывал черты ее лица. Поэтому возраст трудно было определить сразу.

Она подошла, стала перед ним и по-хозяйски, с командирской интонацией, не предполагающей никаких возражений, спросила:

- Чего мы тут читаем, Георгий Яковлевич?

Кто такая? Егорша никогда не видел ее здесь. Странная... Встряла в чтение... Имя его откуда-то знает? Но отпихивать человека тоже как-то неудобно. Наверное, из городских, дура какая-нибудь. Те вечно лезут с придурью... Языком зацепиться, наверно, возжелала, поболтать на пустую тему.

Но делать-то все равно ведь нечего, почему бы и не перекинуться словечком? Она ведь от доброго сердца спрашивает, эта дамочка.

- Да тут вот, Рерих этот... Рямарк...

- Ну, и как он Вам, это самый Рерих? Интересно Вам?

- Да, занятный он... Ну, я токо начал не разобрал ешшо пока... А Вы-то кто?

По-хозяйски, как владычица этого помещения и всех этих книг, она решительно взяла книжку из рук Егорши:

- А, «Триумфальная арка», Эрих Мария Ремарк...

И утвердительно, как бы про себя проговорила вполголоса:

- Это хорошая литература, Георгий Яковлевич.

Егорша оценил: не стала передразнивать его, с его «Рерихом».. Он спросил:

- А ты-то, а Вы-то кто будете?

- А, так мы же не знакомы... Простите. Не представилась: Маргарита Глебовна, старший библиотекарь, начальник, так сказать, местных фондов.

- А меня откуль знаете?

Голос у нее был слегка дребежащий и тон разговора немного назидательный. Егорша из жизненного опыта знал, что такие голоса и манера разговаривать принадлежат, как правило, учительницам, мелким начальницам – бухгалтерам, кассирам и вот еще библиотекарям. Все они учат людей, как и что делать, как вообще надо себя вести.

- Я в деревне живу уже больше двух месяцев, смотрю на людей, всем интересуюсь, кого и как зовут узнаю... А Ваше имя известно мне уже давно.

- Чего это вдруг честь мне така?

- А понравились Вы мне сразу. Вот и призналась. Я Вас часто вижу, когда Вы по улице идете. У Вас, видно, есть чувство достоинства и уверенность мужская. По походке заметно. А для женщины это важно.

Разговаривает она необычно, эта Маргарита. Прямо говорит то, что думает. Здесь так никто разговор не ведет.

И еще в ней необычно то, что она горбата.

Поначалу ему стало не по себе. Он ни разу в жизни не беседовал вот так с глазу на глаз с горбатой женщиной. Просто не доводилось. Таких людей он разглядывал только со стороны. Нельзя сказать, что и разглядывал, ему было как-то неловко смотреть на человеческое убожество. Все горбуны изначально казались ему людьми скрытыми, стесняющимися своего уродства, злыми и едкими. В любом случае, считал он, от таких людей надо бы держаться подальше. Они опасны хотя бы потому, что не такие, как все. Чего от них ждать?

А эта не прячется, глядит прямо, взгляд доброжелательный, открытый. Да и мордашка себе ничего, чего там... И волосы... Русые, густые... Лежат на плечах...

Все было необычно и странно.

- Ну уж, и достоинства выдумали, все у нас тут не порато сложно. Живем, да и все.

Егорша волновался от неожиданной ситуации, не знал, как тут себя повести, чего и сказать?

- А книжку Вы выбрали правильную, Георгий Яковлевич. Эрих Мария Ремарк – ярчайший представитель так называемого «потерянного послевоенного поколения», как он себя называл. К этому же поколению относились и Эрнст Хэмингуэй, и Ричард Олдингтон, и другие. Все они оказались в социальном вакууме, страдали от бездуховности своего времени...

«Заумно как-то, -размышлял Егорша,- но интересно, бляха-муха. Много, наверно, знает эта библиотечка... Вот же штучка...»

Он шел домой по деревянным мосточкам, прогибающимся, поскрипывающим. С книжкой «Триумфальная арка» в руке. Перед ним на блекло-сиреневом июльском небе висела недовызревшая луна, яркая и чистая, словно промытая недавними дождями. Егорша шагнул прямо к ней, и на сердце его лежала такая же чистота.

А потом, в скором времени, стала происходить одна странность. Нелепица какая-то, случайность что ли? Стал он замечать, что верный страж его, подрастающий щенок Друг временами где-то пропадает. Домой возвращается и сидит-посиживает на крылечке, облизывает сытую мордочку, разглаживает ее лапками. И вот совсем недавно вынул он, что наведывается его питомец как раз к этой самой Маргарите Глебовне. И та, видать по всему, балует его немилосердно, отчего после визитов к ней тот становится похож на вполне упитанного поросенка и, бегая по деревенским дорожкам, слегка переваливается из стороны в сторону.

Лето шло. В раннюю рань вышел как-то Егорша на крылечко. В майке, босиком. Сидел на верхней ступеньке и шмыгал носом. Эту привычку

утреннего моциона взял он от отца. Тот всегда просыпался в шесть утра, расталкивал заспанного сынишку и звал на крылечко:

- Пойдем-ко, парень, послушам, как там нонеча, чего оно?..

Летними утрами они сживали на этой самой ступеньке под дощатым навесом и слушали дождь, если тот накрапывал, щурились от солнечного света, когда светило поднималось над морем и стреляло в деревню своими лучами.

Откуда-то прибежал Друг, вполне подросший щенок, смущенный весь от того, что прозевал выход хозяина из дома, судорожно виляющий хвостом, бесконечно радостный, улыбающийся всей пастью. Остановился напротив, залился звонким, восхищенным лаем.

- Как же я люблю тебя, отец ты мой родной! – выплескивал он свою радость.

- Ладно, уймись, подхалюзник, - Егорша потрепал щенка за загривок, обхватил вокруг туловища и посадил к себе на колени, - готовься, волкодавина, сегодня едем на маяки. Дела, брат, открылись.

В полдень они на моторном катере уехали включать маяки на береговой линии Сараиха –Летний Наволок: предстояли ходовые испытания атомных подводных лодок на мерных милях, размеченных на Летнем берегу Белого моря.

Это была обычная работа для Георгия Яковлевича Петрова, сотрудника Гидрографической службы Северного флота.

Перед такими вот испытаниями у него было множество хлопот. В хозяйстве одиннадцать маяков. Не приведи Господи, какой-нибудь из них не сработает в нужный момент: погаснет или даст сбой. Причин тому может быть множество: закончится в любом баллоне газ-ацетилен, или будет неотрегулирована его подача, или закончится он, этот газ, или сами баллоны придут в негодность. А то случится утечка... Ведь сложен и сам механизм подачи этого самого газа к горелке: всякие там трубки, сопла, винтили... За всем должен быть присмотр. Или же какой-нибудь глупый человек-прохожий заинтересуется от нечего делать, залезет в сложное устройство, нарушит все, сломает. Было такое уже...

А весь спрос – так уж заведено – с маячника.

Егорша работу свою любил и всегда с превеликой радостью ковырялся в маячных устройствах. Еще он любил, придя к каждому подведомственному маячному сооружению, залезть на самую верхотуру, встать к стеклянной колбе, внутри которой хлопает вспыхивающий фитиль, и обозревать открывшиеся просторы, глядеть с вышины на расстилающийся вокруг лес, на море.

А море – особенная статья! Перед ним распахивался неоглядный простор, темно-синий, с белыми полосками пенных дорожек, оставленных несущимися над волнами трепетными барашками. Эти грандиозные картины потрясали Егоршу, и он подолгу стоял рядом с прозрачными сферами, в которых мерно вспыхивали газовые огоньки, и все смотрел, всматривался в бескрайнюю даль.

И душа его в такие мгновения улетала далёко-далёко, в морскую ширь и обреталась где-то средь волн, между этих ослепительно белых пенных барашков, садилась на мачты идущих в дали кораблей и плыла вместе с ними и чайками над линией горизонта.

Это была его стихия. Любимое местопребывание его и его души.

Пошел третий день этой командировки. Два тяжелых подводных атомохода, только что спущенных со стапелей Северодвинска, на разных скоростных режимах похаживали на траверзе маячной группы. Оборудованные на берегу маячные створы (по три маяка в створе) составляли расстояние друг от друга ровно в одну морскую милю и служили для атомоходов своеобразными «точками отсчета» начала и конца дистанции, по которым определялись скоростные и другие ходовые характеристики. С лодками была налажена постоянная радиосвязь по рации, которая находилась в избе и стояла на сводедельном столе, установленном в углу с морской стороны. Зуммер вызова был сильный, поэтому Егорша мог и не сидеть сиднем в помещении. Всегда было много хлопот по хозяйству на улице, основное время он там и находился.

Сейчас он колол дрова, складывал их в костерок, что был под навесом в задах избы. И вот опять – длинный, дребезжащий, сильный звук. Вызов! Эти военные умеют поднимать людей по тревоге.

Егорша заскочил в избу, сдернул с консоли микрофон, щелкнул тумблером звука:

- Слушаю, четырнадцатый.

- Четырнадцатый, это старпом семнадцатый, у тебя в правом створе третий маяк промигивает.

- Что значит?

- Значит, то вспыхивает, то нет. Ориентир усложнен из-за этого. Исправь неисправность, четырнадцатый, - прошуршала рация.

- Хорошо, сделаем.

- Конец связи.

Надо брать инструмент и двигать к третьему маяку. А это самый дальний – два километра до него. Ну, надо, так надо

В этот самый момент раздался воинственный голос юного волкодава Друга. Он подпрыгивал на пригорке около избушки, высматривал что-то в деревенской стороне и заливался молодецким лаем.

Что такое?

По самому песчаному заплестку, по кромке набегающих легких волн вышагивали две фигурки.

Егорша вынес из избы морской бинокль, глянул в окуляры.

В его сторону двигались две женщины. У обеих по бокам на согнутых локтях по корзинке. Идут по отмелям и плюхают сапожками по набегающей на берег тоненькой воде, по твердому, утрамбованному волнами песку. И разлетаются из-под ног, и разбрызгиваются по сторонам радужные, посверкивающие на солнце капли морской воды.

Что за гости жалуют? Неожиданные, прямо сказать.

Ну, одну он узнал довольно скоро. Это лучшая деревенская певунья Таисья Пряльникова, живущая через два от него дома, шумная и балагуристая. Кто вторая?

Он узнал и ее. И сердце его незнамо от чего как будто трепыхнулось.

Это была библиотекарша Маргарита Глебовна, невысокая, с оттопыренными по сторонам прямыми плечиками.

Идет тоже в его направлении, уверенно идет. Может, к нему?.. Хотя, при чем тут? Он же ее не звал. И опять, что значит, звал-не звал? Она же с корзиной, значит, идет по своим делам...

Вот они приближаются, и Друг сорвался, опрометью рванул к ним и –на тебе!- бросился к ней, к библиотекарше, стал прыгать перед ней, вилять хвостом. Удивительные дела! Будто век с ней дружит.

Подшли. Обе улыбаются добродушно, непринужденно.

- Здравствуйте! – сказали. – Ох, и подустали мы. Тяжеловато шлендать в эку даль. Хорошо еще песочек тверденький.

- А, куда это вы, товарки дорогие, направляетесь? За ягодками небось? – проявил сдержанный интерес Егорша. Так положено интересоваться из уважения к ягодняцам.

- За имя, за имя! – закивала Таисья. К тебе, тут рядышком, на Зацепинской мох. Народ грит, самолучша тута морошечка, да черница поспела нонче. Вековечно тута ягодки изрядно.

- Ну, правильно народ говорит, женочки.

«Да, - размышлял Егорша,- не скроешь ничего от деревенского женского населения. Как локатором лес простреливают. Унесут всю ягоду... Он-то сам не успел из-за учений из-за этих. Для себя берег, ходил, проверял. Ждал, когда подрастут. Как раз вызрели... Вот они и нагрянули, проныры.

А горбатенькая Маргарита похохатывает:

- А мы вам оставим, Георгий Яковлевич, парочку горсточек, не все соберем. Всяко мы не хапуги какие...

И улыбается она доброжелательно, открыто, словно рада ему, словно специально пришла к нему за тем, чтобы улыбнуться так...

Егорша почему-то рад был их приходу, хоть и хлопотно все и не очень-то кстати. Гостей чайком бы угостить, а тут маяк этот третий... Военные ждут... И опять Маргарита эта сидит на лавочке, все улыбается ему и подначивает:

- Гостей-то, Георгий Яковлевич, полагается потчевать с устатку. Чайком хотя бы уж, ежели не рюмочкой.

Егорша ни с того, ни с сего вдруг заметил: глаза у нее будто брусничные листья – круглые и ярко-ярко зеленые. И еще: не хотелось ему уходить от сюда, от нее..

- Я быстро, сейчас, сейчас, заторопился он. Налил воды в чайник, разжег костер, высыпал на стол запасы: конфеты, печенье, сладкие сухари. Открыл ножом банку сгущенного молока. Ему очень хотелось, чтобы гостюшки были довольны, особенно Маргарита Глебовна. Именно она чтобы была особенно довольна.

- Вы, наверно, спешите? – спросила библиотекарьша. Почему-то она почувствовала его непридуманную заботу.

- Ага, очень, - простодушно ответил Егорша. Лодки просят маяк один починить.

Тут Маргарита Глебовна вскрикнула:

- Почему же Вы молчите? Мы тут рассиживаем, а Вы молчите! Вас ведь могут наказать.

Егорша скорехонько собрался и, уже убегая, прокричал:

- После ягод обязательно ко мне! Обязательно!

Друг рванул за ним.

Надо сказать, Егорша торопился. Все опасался: дождутся ли его жёночки? Долго ли накидать по корзинке морошки, если ее действительно много? А на маяке пришлось поковыряться изрядно. Огонек в линзовой колбе действительно вспыхивал с перебоями. Егорша поначалу определил: засор где-то в подаче газа ацетилен, вот и барахлит режим регулярной вспышки. Потратил уйму времени, пока разобрался. А причина оказалась простая: был не отрегулирован вентиль подачи газа из самого баллона. Кто-то перекрутил. Так бывает, когда семь раз не отмеришь. Но дело он сделал,

когда уходил, огонек вспыхивал как надо: через шесть секунд. У подводников не будет больше нареканий.

Вернулся к избушке под вечер. И что отрадно: гости ждали его. Они посиживали у костра, что-то оживленно обсуждали и зыркали глазами по сторонам, не знали, откуда он выйдет? Попивали чаек. Поодаль стояли корзинки, полные морошки.

Странное дело, Друг опять бросился ластиться к библиотекарше. Как только хвост не отвалился у него, так он им вертел перед ней.

Они втроем попили еще чаю с черникой, со сгущенным молоком и брусничными шаньгами, которыми Егоршу угостили гости. Сидели-посиживали и весело болтали о домашнем, о деревенском...

Уже начала вылезать из-за морского горизонта располовиненная луна. Насвистывал в кустах и траве колкий вечерний ветерок. Плехала на берег маленькая волна. Под столом лежал, посапывая, уставший за день охотничий пес, щенок-промысловик Друг. И лежала на Егоршином сердце радость от такого вот душевного вечерка.

И раз от разу украдкой и не украдкой поглядывала на него своими ярко-зелеными глазами библиотекарша Маргарита Глебовна. Заинтересованно так и внимательно смотрела. Только не говорила ничего. И Егорше отчего-то по душе были эти ее взгляды.

Потом гости быстро собрались и ушли в расползающуюся над берегом и над морем темноту.

Библиотекарша перед тем, как уйти, подошла к нему, широко и как-то грустно улыбнулась и сказала смущенно, глядя прямо в глаза:

- До свидания, Георгий Яковлевич, - и почти шепотом добавила, - А я в Вас влюбилась. Хочу, чтобы Вы об этом знали.

И пошла от него, набросив как бы ненароком на правое плечо, на горбик, свою кофту. Она ведь была женщиной, и ей совсем не хотелось показывать Егорше свой недостаток. Щенок Друг глядел ей вослед и печально повизгивал.

Маячник Георгий Петров долго еще глядел на лунную дорожку, разделившую пополам темную морскую поверхность. На морской берег, где в упавших на землю сумерках размылись силуэты двух женщин, и все думал, думал. О подводных лодках, о своей работе. И о библиотекарше Маргарите Глебовне, которая с некоторых пор поселилась в его душе...

В его мыслях о ней никакой горбик и не всплывал, а была только она сама безо всякого горбика. Просто молодая женщина, вполне симпатичная, с ярко-зелеными глазами на миловидном лице, с ароматными русыми волосами.

На сердце было хорошо и покойно.

Вот и закончились ходовые испытания атомных подводных лодок. Руководитель учений, он же командир одной из лодок капвторанг Николай Ильич Беспалов, давний знакомый Георгия, поблагодарил его по радиации от имени двух экипажей:

- Спасибо тебе, Яковлевич! Знаешь ты свою службу, работать с тобой радость одна. Удачи тебе!

- И я вас благодарю, военморы! Счастливого плавания! Дай Бог, свидимся.

- Теперь не скоро, далеко уходим...

Егорша не поехал сразу домой. Захотелось побыть одному на этом пустынном берегу.

Дома, в деревне, его никто не ждал. Мать – вполне крепенькая еще старушка, за ней пригляд не нужен.

Целых пять лет жил он с женщиной. Звали ее Людмилой. Была она городская, ветеринар по профессии. Работала на селе по случаю – заменяла ушедшую в декретный отпуск зоотехника, да вот сошлась с Егоршей-маячником и застряла. Жили, не расписываясь: Людмила почему-то возражала, детей тоже не хотела. А потом вдруг, когда он был в командировке, быстренько собралась и умотала в город.

Людам, конечно, было интересно, чего она намылилась-то так скорехонько? Хорошо ведь жили, спокойно, скандалов не было. Потом уж кто-то выяснил: замужняя она была. Муж долго сидел в тюрьме, а она в его отсидку состояла замужней женой у Егорши. Ловкая мадам. Такие дела.

Первая его девушка, считай тоже жена, не дождалась его из армии. Загуляла с приезжим парнем. Он пришел, а у них уж ребенок заряжен...

До сей поры не нашел он подругу для жизни. Не получилось у него.

И жил-поживал Егорша Петров один с матерью в изрядной печали и усталости от всего сущего. В свои тридцать четыре года встретил он мало радостного в жизни.

Женщинам он не верил, потому как все встреченные пользовались им в своих интересах, а потом бросали его. Мать этому обстоятельству искренне изумлялась:

- Ак, почему оно так-то? Хуже всех ты равзе? Видной и приветливой. Оне, бабенки-то своима головенками думают, аль нет? Не знай я, не знай!

Она садилась напротив него на стульчик, ставила локти на колени, сгорбливалась и с легкой натугой причитала:

- Робяток твоих покачать в зыбке хочу, сынок мой. Пока сила берет...

Зато у Георгия есть интересная работа, есть воля-вольная вот на этом диком берегу. Есть смышленный и верный щенок по кличке Друг. Он и есть самый настоящий друг.

Есть медведица, названная в честь неудавшейся жены Людкой, которая каждый вечер в полусумерках выводит из леса на берег двух своих медвежат. И они, все трое, держась на почтенном расстоянии, безбоязненно выхаживают на виду у Егорши, гуляют по ягодной кошке, по морскому берегу, выискивают всякую еду. И не обращают совсем никакого внимания на страшные рычания и лютый лай боевого щенка Друга, который, судя по бравому виду, готов безжалостно сожрать лесных гостей. Медвежата на глазах у свирепого щенка нахально борются друг с дружкой, кувыркаются, ворчат. Еще хулиганистые косолапые время от времени посматривают на соседа своего, на маячника, интересуются, не осердился ли он на них за их

шалости? Хотя знает эта семейка, что у Егорши добрый нрав, что не тронет он их и не напугает. Уж давно они живут вместе в этих пустынных местах.

На другой день, уже под вечер, к нему пришла Маргарита Глебовна. Вот уж событие, так событие!

- Не дождалась я Вас, Георгий Яковлевич,- сказала спокойно и просто, присела на краешек бревнышка лицом к избушке и к нему, к Егорше.

В глазах неподдельная печаль.

«Чего это тако с жёночкой-то?»

Егорша сидел радостный. Эту радость от неожиданной встречи с библиотекаршей выдавала вся его наружность: лицо, распахнутое для встречи именно с этой женщиной, плечи, повернутые к ней...

Она выглядела робкой, сидела простоволосая, худощавое лицо ее было напряжено, глаза возбужденно блестели. Все в ней говорило о том, что она ждет чего-то от него, или же сама задумала что-то выразить...

Егорша и сказал совершенно искренне:

- Рад я видеть Вас, Маргарита Глебовна! Очень рад!

- И я рада. Даже очень.

Потом библиотекарша как-то судорожно склонила голову, отчего горбик ее выпятился из-за правого плеча. Наверно, чуть раньше это показалось бы ему нелепым уродством, но Егорша уже начал привыкать к этой ее особенности. Горбик был просто атрибутом этой женщины. Глупым, ненужным, но неотъемлемым. С его наличием приходилось мириться.

Маргариту Глебовну бил озноб, она заметно нервничала.

- Я пришла к Вам, потому, что не смогла больше...

Она вдруг судорожно поднялась с бревнышка, подошла к нему и села рядом. Наклонилась и уткнулась лбом в его плечо. От ее волос пахло ромашками и морем.

Потом она обвила его шею трясущимися руками и дрожаще-горячо зашептала:

- Я хочу, чтобы Вы стали моим первым мужчиной.

Егорша поднял ее на руки и отнес в избу.

Там он и стал первым мужчиной библиотекаря Маргариты Глебовны.

Всю ночь они любили друг друга. На жесткой железной Егоршиной кровати, где вместо мягких пружин настелены были деревянные доски. Лежащий сверху них ватный солдатский матрац совсем не смягчал твердость дерева. Первая их ночь состоялась в таких вот суровых условиях.

- Я люблю тебя! Я бесконечно тебя люблю! – шептала и говорила, и кричала она всю эту ночь.

Голова Маргариты лежала на плече Егорши, русые волосы рассыпались по его груди. Она спала. И разлившийся над всей шириной горизонта розово-бордовый рассвет заглядывал в окошко, разбрасывал по стенам избы красноватые блики, играл на лицах влюбленных разноцветными лучиками. Просыпался новый день.

А Егорша все не мог уснуть. Он глядел на яркую краску, упавшую на море, вглядывался в небесную лазурь и, потрясенный, вникал в новое чувство, так внезапно на него обрушившееся. И осознал вдруг он, что теперь, с этой ночи, станет бережно хранить это неизведанное доселе чувство, потому, что оно прекрасно! И, что без него, без этого светлого ощущения ему трудно, просто невозможно будет жить.

И еще: теперь он никуда больше не отпустит от себя свою Маргариту.

Но скоро на разрумившийся рассвет стали наплывать тучки, запорошивали сквозь небесное сито мелкие и холодные капли. Чай они пили в избе. За окном погуливал всегда сырой северо-западный ветер – «побережник», задувал в боковое окно, и по стеклу текли капли, похожие на слезы.

- Это слезы моей радости, моего счастья, - говорила Маргарита.

Душа Егорши распевала веселые песенки. Он и впрямь чего-то мурлыкал, но мелодии получались несуразные, потому как петь он не умел.

Однако, это глупенькое, безыскусное мурлыканье никак не влияло на его неизбывную радость, на приподнятость всей обстановки. Ему было хорошо! Он вприпрыжку бегал с дровами, возился с костром, чайником, угощал гостью своими вкусностями.

Но, что происходило с Маргаритой, Егорша понять не мог. с Маргаритой происходило что-то не вполне ладное. Глаза ее продолжали светиться радостью. Когда глядела на Егоршу, на них появлялась поволока необъятного, открытого, нескрываемого счастья. Она сидела за столом напротив в его горбушке, наброшенной на плечи поверх ситцевого халатика. Длинные русые волосы ее были напитаны дневным светом, льющимся из окошка.

Но время от времени ее охватывала волна откуда-то взявшейся печали. Она накрывала ее, эта волна, придавливала, и Маргарита словно сникала. Глаза ее вдруг резко темнели и грустнели, она склоняла голову, плечи зябко подрагивали.

- Чево это с тобой, Ритушка, чево?

А та уткнулась лицом в скрещенные на столе руки и вдруг разрыдалась. И, по-детски захлебываясь слезами, сквозь плач выговорила:

- Подойди-ко ко мне, Егорушко, да обними-ко меня.

Он пришел, сел рядом, обнял за плечи. Маргарита склонилась к нему на колени, и сквозь рыдания он разобрал:

- Горбатая я, горбатая! Будь проклят он, горб мой!

Тут Георгий, неумело, но искренне сопротивляясь, хмыкнул и возразил:

- Ну и чево тут таково? Кому како дело...

- Не понимаешь ты, родненький мой! Люди не любят горбатых, уродинами их считают.

- Дак, я-та не считаю эдак. Пошли-ко оне все...

- Настраивать тебя будут... Разлучать нас. Не дадут нам жить с тобой... Люди-то ведь злы, Егорушко. Ты вон, красивый какой, а я тут с горбом со своим. Навязалась... Люди скажут: не пара...

Она плакала и плакала. Георгий гладил ее волосы, целовал лицо и успокаивал:

- Полюбил я тебя, любушка, страхи Божьи, как полюбил. Не бойся ты ничево. Я ведь с тобой, Ритушка...

Как раз, когда они на катере вернулись домой, пошел задуть с северо-востока «полуночник», резвый и холодный. Пошли штормовые шквалы, легла на землю промозглость с проносными туманами, со знобящей моросью. И, хотя стояла только лишь середка августа, на крыльях стылых ветров начала с северной стороны делать свои редкие набег злая тетка Осень. Беспощадная, знающая свои законные права. Остужала людей холодными дождями, которые, словно в барабаны, стучали в окна тяжелыми каплями и предупреждали честной мир, что уже совсем скоро придут осенние ненастья, а потом в дело вступит и сама хозяйка года Зимушка-зима.

Но и Красное лето, поднакопившее к концу своего владычества теплую силу-силушку, долго еще сохраняло молодую сноровку. Оно пока что не покинуло эти места и опять трубило в зеленые горны, зазывало с юга теплые ветра. Те, резвые ребята, охотно откликались на веселые призывы, сноровисто прилетали и дружно набрасывались на сердитую тетку. И Осень, не ко времени появившаяся, нехотя, шаркая по ветвям холодной моросью, скандаля и отругиваясь, бросая в Лето холодную грязь, убредала опять в места, где живет стужа. Так продолжалось и повторялось многократно, пока не наступала смена сезонов.

А сейчас до этой перемены далеко, на дворе стоит и стоит лето. И сердцу Егорши было раздольно сейчас, ему совсем не хотелось думать о непогоде. На него нахлынула эта неведомая доселе радость, сладко-тягучая, ласкающая чуткими и мягкими своими пальцами усталую, не избалованную счастьем душу. Она пришла и не отпускала, заставляла ворочаться короткими ночами, волновала длинными днями. Егоршу посетило это томное, переполненное нежностью чувство, которое люди издревле называют любовью.

Егорша не привык нему, этому совершенно новому состоянию души. Все женщины, бывшие в его жизни, приходили и уходили, оставляя лишь горечь переживаний, всегда кратких, недельных-двухнедельных. Потом и переживания исчезали куда-то.

А тут нахлынуло так, что не опомниться. И Егорша был этому бесконечно рад.

Все в нем переменялось. Когда шел по улице, его просветленный лик сиял на всю деревню. И люди, удивленные, оборачивались и долго глядели ему вослед.

Целый день, среди сутолоки домашних забот помнил он о своей любви. А вечером шел к ней, к той, которую полюбил – к Маргарите. Утром выходил из ее дома и останавливался на крылечке. Стоял, глядел на море, на деревню. Рядом всегда была Маргарита. Она обнимала его плечи.

Потом он шел домой. Вышагивал вальяжной походкой всем и всеми довольного человека. И местные женочки разглядывали его и эту его новую походочку и судачили:

- Вон, маячник Егорша вышагиват от Маргаритки-библиотекарши. Видали вы... Сам будто маяк светичче. Че он тамогде выискал у энтой горбатой? Других девок буди нету в деревни? Мужик-от самолучшой...

С матерью тоже начались неприятные разговоры. Хоть домой не приходи.

- Ты бы одумалсе, Егорко. Чево она привязалась-то к тебе, ета горбата? Срамоток-от какой! Вон Лизка, соседка, давешна твоя любовница, опять приходила... Грит, скучат по тебе...

- Мама, дак ведь дочка у ей...

- А мало ли ште... Зато красава кака. Да и домовита она, в доми все вышаркано, благодать Христова! Я, грит, души в ем не чаю...

Егорше не хочется спорить с матерью, он вяло огрызается:

- Да не нужна она мне, мама. Не люблю я ей...

- А ета, значит нужна? Колдовка она, верно, икотнича. Привадила тебя, сыночка мово... Чего делать-то с тобой и не знай. Испереживалась я...

Мужики на деревне тоже толковали. Один разговор, другой... Пришел Георгий на Чевакино озеро жерлицы проверить, идет вдоль берега к своему карбаску. Друг залаял – кого-то обнаружил, значит, потом дружелюбно замахал хвостом. Ага, кто-то знакомый, должно быть. Точно! Сидит на краю своей лодочки старый приятель – Костя Черемыхин. Покуривает и тоже рассуждает:

- Не могу я тебя понять, Егорша, зачем тебе эта баба?

- Вот ты тоже туда же. Тебе-то како дело?

- Дак ить, понимаешь ты, незнамо ето дело. Скажи-ко мне, хто из наших мужиков горбату бабу в дом к себе приводил? Скажу сам: не хто! А ты, дружок мой закадычной, будто с ума стронулсе. Порато ето надо тебе?

- Вот вы все учить меня собрались. Я как начну по рылу раздавать, мало не будет никому.

- Че, и мне тоже по рылу?

- А не лезь ко мне, хошь и друг ты завсегда был.

С Костей-то Черемыхиным не надо бы так. Стукнет, и все, не надо больше, хоть человеку, хоть бычку-двухлетку. Кулак, как пудова гиря. Ни в одной драке никому не уступил. Но сейчас Егорша был в запале, и Костя это понимал.

- Остынь, Егорша, остынь, я дело говорю.

По озеру разлилось вечернее лосо – полный штиль. Лишь изредка пробегала по закатной воде легкая рябь и подрагивали круглые листья кувшинок, слегка шуршали лепестками головки белых лилий. В красном зоревом мареве от жерлицы к жерлице тихо передвигался карбасок Егорши.

Рыбак подплывал к колышкам, тянул на себя из воды леску, снимал с крючка щучку или крупного окуня, потом наматывал капрон обратно на рогульку.

И все думал, думал.

Люди не принимают его Маргариту. Не подпускают к себе. Он знал, что это несправедливо и нечестно. Но, что с этим можно поделать, он не мог понять. В чем она виновата? Она родилась такой, это ее судьба и ее крест. Она ничего не может изменить, так за что же ее обижать?

Карбасок Егорши плыл по озеру в красной закатной краске, а он сам, облитый с ног до головы этой небесной краской, сидел за веслами, медленно шевелил ими и растерянный, потерявшийся, соображал, как, чем сможет помочь любимому человеку?

И себе помочь.

И не находил ответа.

В начале ночи на море был отлив. Ушедшая вода оголила морские кошки и вылизанные штормами донные камни. Сорванные от дна и валунов водоросли, пахучая морская трава, пучками растущая на всем прибрежном, голом сейчас пространстве, рассеивали по берегу и по всей деревне крепкий, солено-иодистый аромат. Он заполнял всю комнату, в которой находились Георгий и Маргарита.

- Мне не захочется отсюда уезжать, тут так вольготно, здесь такая естественная природа.

- Вот тебе и здрасте,- куда уезжать то? Зачем?

- В Архангельск, на Бакарицу. Домой.

- Кто же тебя отпустит? Я, например, не отпущу.

Они лежат на кровати в Маргаритиной комнате. Он лицом вверх, она положила голову на его плечо, рукой обняла за шею, тесно к нему прижалась. И тихонько плачет.

Егорша обнимает ее, спрашивает:

- Что с тобой, Ритушка?

И Маргарита рассказывает:

- Сегодня на работу ко мне приходили две женщины и попросили, чтобы я отошла от тебя. Сказали, что ты самый видный здесь мужчина, а я тебя не достойна.

- А ты чего?

- А я сказала им честно, Егорушка, что люблю тебя больше жизни своей и никуда от тебя не уйду по доброй воле, если ты от меня сам не уйдешь.

Она пошмыгала носом, потом проговорила с опасливой интонацией:

- Может, правда мы не пара. Видишь, люди как волнуются?

Георгий вскочил вдруг с кровати, стал босыми ногами выхаживать по полу. Распаленный весь, возмущенный.

- Ну ты-то не повторяй глупостей-то, Рита! Мало ли какие дураки чего мелют. Ты-то хоть не повторяй! Наше с тобой это дело, а не их!

- Я вот чего сказать тебе хочу, родной ты мой, ненаглядный Егорушко! Не верю я, что ты можешь бросить меня. Я ведь люблю тебя очень. От такой любви никто не уходит.

Сидя на краешке кровати, она помолчала, сосредоточилась, словно перед тем, как сказать нечто важное, самое главное и сказала:

- Но, если это произойдет, то ты должен знать, Егорушко, что я уйду от людей. Люди мне больше не нужны будут. Я узнала любовь, о которой все мечтают... Думала, что нет ее, она оказывается есть! И больше мне ничего в жизни не надо. Я со своей любовью и уйду... Унесу от злости человеческой.

Георгий не выдержал, упал перед нею на колени, стал целовать их, целовать...

- Ты, чево это, Ритушка, чево? Куда собралась-то? В лес что ли? Дак не отпущу я тебя никуда. Выдумала ты...

Он вдруг будто опомнился, поднял ее лицо, посмотрел весело в глаза...

- Дак, чево это я говорю-то не то? Куды ты, деушка моя, побежишь, ежели я от тебя уходить-то и не собираюсь. Я же с тобой теперь. Не отпущу некуда от себя! Так то и знай!

Маргарита наклонилась, поцеловала Егоршину макушку и вдруг рассмеялась радостным и звонким, совсем детским смехом.

В любой жизни случаются осечки, житейские промахи, которые потом, саднят, словно маленькие незаживающие ранки, бередают сердце и память, покалывают человека всю оставшуюся жизнь. И нет от них покоя ни днем, ни ночью. Спит человек мирным сном и вдруг внутри него кто-то крикнет неожиданно пронзительным голосом: «Ой!» И человек просыпается, лежит с открытыми глазами, не уснуть ему больше никак – в сердце открылась ранка памяти...

Лето шло-шло, наступил уже сентябрь, и однажды за Егоршей прилетел вертолет. Оказывается, в Беломорский военно-морской полигон собралась нагрянуть комиссия из центрального Гидрографического главка. Цель ее, как установили вездесущие северодвинские спецы, была простая: проверить маячную службу полигона, всех ее сотрудников на предмет знания положений специальных инструкций.

Пусть скажут мне люди добрые, могут ли досконально знать эти самые инструкции простые маячники, живущие на поморских берегах? То бишь обыкновенные деревенские граждане, волей случая поставленные содержать в надлежащем состоянии сложное инженерное маячное хозяйство и наизусть помнить все многочисленные инструкции на этот счет? Да еще так, чтобы хозяйство это соответствовало боевой готовности современного российского военно-морского флота. У командования полигона были по этому поводу большие сомнения. Тем более, что деревенскому личному составу предстояло отвечать на ворох вопросов комиссии.

Поэтому за Георгием Яковлевичем Петровым прилетел вертолет. Он собрал всех маячников с Летнего берега Белого моря и увез в Северодвинск. Людей не успели оповестить заранее, потому как сама комиссия была

назначена почему-то в спешном порядке. Потом оказалось, что шла подготовка к крупным международным учениям в акваториях Белого и Баренцева морей. Егоршу забрали прямо от сарая, где он устанавливал вешала для просушки рюж. Едва успел переодеться и глотнуть чая.

Целую неделю мурыжили маячников в военном городе Северодвинске – читали им лекции, проводили семинары, заставили сдавать зачеты...

Должно признать, что комиссия оказалась не показушная. Двоих человек признали негодными к работе и уволили прямо в Северодвинске.

Егорша вернулся домой что называется взъерошенный от умственной встряски. Уже много лет со времени окончания радиотехникума не сдавал он никаких экзаменов и зачетов, поэтому после усвоения большого теоретического материала голова у него шла кругом.

Было странно, что его не встретил Друг. Обычно, когда появлялся хозяин, щенок загодя выскакивал из-под крыльца или из-под дома и вытворял веселую пляску... Повизгивал от полноты счастья, крутился под ногами и подпрыгивал, просился на руки. Егорша поднимал его, садился на ступеньку, клал питомца на колени и гладил головку, спинку. И Друг затихал, умиротворенно урчал и укладывал голову на хозяйское бедро. И прищуривал от великого счастья глаза.

А сейчас его не было, и Никитична, матушка Егоршина, сказала, что не видела его с ночи.

«Наверное, у Маргариты, - обоснованно решил Егорша. Щенок взял за правило в досужую минуту убегать к библиотекарше, с которой давно уж установил крепкую дружбу. Егорше это нравилось.

Он вздремнул с устатку часок и пошел к ней, к Маргарите. Понес сувенир – купленные в Архангельске бусы из прозрачного горного хрусталя.

По дороге зашел в библиотеку. Маргариты там не оказалось. Сама библиотека была закрыта – на двери висел замок. Играющие в бильярд подростки сказали, что ее сегодня не видели совсем.

- Заболела, может, - пожали плечами.

Конечно, могла и заболеть, - согласен был Егорша, но какое-то беспокойство поселилось на сердце и запостукивало легкими молоточками в висках.

Серьезное волнение пришло, когда и комната в гостевом доме тоже оказалась пустой. И никто не смог ему подсказать, где она? Что с ней случилось. Ни с кем не говорила, что собирается куда-нибудь уезжать, или уходить куда-то. Просто исчезла и все.

И Егорша заметался.

Пробежался по деревне, тот же результат: никто не видел. Та-ак, у нее всего две точки в деревне, где она может быть – библиотека и гостевой дом. Ни там, ни там... Подруг у нее нет, по гостям не ходит тоже. В лес не ушла: кто-нибудь видел бы с корзинкой.

Как сквозь землю провалилась.

Обошел всю деревню, поспрошал у всех. Результат – ноль. Нет нигде.

Может, на берегу? Но там все просматривается. Люди бы увидели, да сказали.

Вот он морской берег. Здесь знакомо каждое бревнышко. Нет ее здесь!

Егорша не на шутку встревожился. Чего делать-то? Куда бежать, где искать, когда нет ее нигде.

Он присел на комель бревна, торчащего из штабеля строевых лесин. Сидел и рассеянно озирался, не знал, чего делать дальше?

По заплестку вышагивал какой-то мужик. Приблизился. Оказался местный электрик Федько Баранов. Взгляд у него заполошный, оглядывается по сторонам, чего-то ищет.

- Здорово, Федор.

- Здорово, Егорша.

- Потерял чего? - поинтересовался электрик. Он подошел, поздоровался и присел рядом.

- Ну, так... - Егорше совсем не в радость было объяснять Баранову, чего, да как.

- А вот я потерял.

- Чего тако?

- Карбасок у меня пропал куды-то. Вчерась у берега болталсе на якорьке, да на чалки. Вечером мельком видал: стоит он, а утресь и нету ево. Народ спрашивал – нехто не знат...

Федько сердито сплюнул, матюгнулся:

- А мне, едрит твою, рюжу надо вытрясти, а как? Некаки сапоги не хватают..., глубина ить, хошь штаны сымай...

Он посидел, покачал головой, сказал с немалой горечью:

- Все едино, рыбу надо доставать. Пойду-ко я, да у Ефима, у соседа карбасок выпрошу...

- И я с тобой, мне тоже надо, - Егоршин дом рядом с Федькиным, да и тягостно было рассиживать на одном месте, надо пошевеливаться, надо что-то делать, искать надо. Только знать, бы где?

И они пошагали по кромке воды.

- Вот, тутогде карбасок мой и болталсе, - Федько указал рукой вперед, - вот колышок от чалки...

И, надо же, Егорше навстречу, как раз от самого колышка с радостным лаем бросился его щенок Друг.

«Вот ты где. А почему ты здесь? Совсем уж не понятно». - Георгий поднял его на руки, и тот облизал его лицо, сунул голову в подмышку, держал там мордочку и повизгивал. Обрадовался он и соскучился.

Но почему он здесь? Лежит на песке на краешке моря, как раз там, где стояла пропавшая лодка Федора? Невольно в голове замелькали яркие вспышки мыслей. Пропала Маргарита! Пропал карбас! Друг лежит на том

самом месте, откуда он и пропал. Но ведь Друг дружит с Маргаритой. Это означает, что щенок находится на том самом месте, где исчезла Маргарита.

Это означает и то, что Маргарита уплыла на карбасе именно с этого места!

Егорша отчетливо почувствовал, как струйки холодной жидкости потекли по его спине. Руки вдруг окоченели. Это что же? Маргарита куда-то уплыла. Одна!

А зачем? Куда?

Колени у него дрожали. Он сел прямо на песок...

- Ты чего эт? – забеспокоился Федор, подошел, хотел помочь подняться.

-Уйди, Федя, ради Христа уйди!

Тот ничего не понял, поразводил руками и пошел к себе домой.

А Егорша бессмысленными глазами глядел на море. Он все вспомнил. Припомнил он, как Маргарита сказала:

«Если разлюбишь меня и уйдешь, я тогда сама уйду от людей. Помирать...»

Да, она не совсем именно так сказала, но смысл был такой. Именно такой был смысл! Это он вспомнил точно!

Но ведь он не ушел и не разлюбил...

Но она этого не знает, а его целую неделю не было здесь. Он внезапно исчез из ее жизни. Без предупреждения, без объяснения... Целую неделю не давал о себе знать. Что она должна думать?

Скоропалительно все. Все по-дурацки... Этот вертолет... Все наспех... А она ничего не знала! Не сообщил он ей, не сообщил... И не мог сообщить. Не было такой у него возможности.

Да и люди могли наплести невесть чего... Мол, все! Бросил тебя Егорша, нужна ты ему, краса едака!

И она ушла... От людей, от него... Как и говорила.

Где она теперь? В карбаске Федькином. В какой морской дали? В голомени, на волнах, в открытом море...

Ужас!

А ежели шторм хрястнет?

Переживание Егорши было страшным. Его тряс озноб. Он искал глазами карбас в море, на краю моря. Не было нигде карбаса.

Чего делать –то? Искать надо!

В судорожном ознобе, с подворачивающимися коленями он бежал от сарая к морю, носил на берег весла, бензин, ящик с ключами, бинокль, фуфайку... Потом подтащил за чалку свой катер, покачивающийся на рейде, покидал в него весь скарб. Друг, видя, что хозяин собирается уплывать, начал прыгать на песке, скулить и лаять. Егорша занес и его в катер.

Завел мотор и пошел прямо в море.

Скорее, скорее! Рычаг скорости был на максимальном делении.

Егорша гнал катер прямо на горизонт, в распахнувшийся простор, в голомень. Резон у него был прост: карбас Маргариты относил ветер, который со вчерашнего дня был западный – прямо с берега. Значит, ее карбасок унесло в открытое море.

Далеко ли унесло? Вот это был болезненный вопрос. При бережном ветре тихая вода только у берега. Затем, чем дальше в море, тем волны круче. Тем более «запад» - ветерок серьезный, на открытом пространстве он свирипееет.

Еще один вопрос, который тоже пробивает все тело насквозь своей беспощадной очевидностью. Из рассказов Федора следовало, что лодка его пропала еще вчера поздно вечером. То есть она уносится в море «западом» уже часов пятнадцать, а может и побольше.

Эх, ты беда. При самом благоприятном раскладе к этому моменту ее отнесло от берега минимум километров на тридцать.

«Я уйду от людей!», «Уйду от людей!»

Вот и ушла. Чтобы умереть одной где-то там, в морском безлюдье. И сделала так, что в деревне никто не заметил ее бегства.

Ветер совсем упал, и катер летел, подпрыгивая на мелкой волне, раскидывая по сторонам и унося далеко назад соленую водяную пыль.

Так, что же заставило ее, родного теперь для него, самого близкого человека уйти от людей, обречь себя на верную смерть? – размышлял он. А, может быть, надоел он ей? Как люди надоедают друг другу? Надоедают же...

И это не было похоже на правду. Знал Егорша, твердо знал и верил: она любит его, а он любит ее!

Что же случилось? Что увело ее в такую даль на верную смертушку?

Катер мчался в распахнутое море. Уже берег сзади казался тонкой, темно-коричневой полоской, и впереди и по бокам не было видно земли.

Егорша держал курс на белое облако, которое на горизонте окунуло половину своих форм в воду, а другая, надводная половина четко и рельефно белоснежным айсбергом выделялась на блекло-голубом небе начала сентября своими ослепительными обводами, увенчанными сверху розовым сиянием.

В другой раз залюбовался бы Егорша столь завидной красой, но сейчас было не до нее.

Он до рези в глазах, до глазной боли вглядывался в бесконечные морские дали, но нигде ему не открылась тонкая и крохотная полоска деревенского карбаса. Значит, надо еще плыть и плыть.

Он сам ни разу еще в жизни не бывал в такой дальней морской дали. Тем более один, без напарников. Одному было бы страшно. Беспощадная морская стихия и манит, и страшит одновременно. Случись что-нибудь, и человек бессилен перед морем. Тут, в дальней голомении, нет помощников. Здесь плавают лишь те, кому надоело жить.

Горизонты были чисты, карбасок не просматривался ни в одной стороне. И Егорша мчал и мчал к тому белому облаку. Сейчас, на бесконечно далекой дистанции, казалось оно гигантской аркой, висящей над

горизонтом. «Триумфальная арка» - вспомнил он название книги, познакомившей его с Маргаритой. Ему нужно стремиться к ней, к этой арке, она приведет его к цели! Должна привести... Сейчас он верил в то, что путь этот показывает ему сама его любовь.

Понимал Егорша, что не повернет назад, что бы с ним не случилось! Никогда не простит себе, если вернется в деревню без Маргариты.

Надо осмотреться, внимательно изучить пространство вокруг. Остановил мотор, уселся на крышку кубрика и внимательно-внимательно оглядел горизонты в бинокль.

И ничего не увидел. Потом он опять шел на моторе вперед и вперед, шел прямо в море. Снова делал остановку и опять изучал пространство.

Ему было жутко в такой морской дали, когда не видно берегов. Поддерживала только одна мысль: как же должно быть тяжело и страшно сейчас Маргарите!

Надо ее найти во что бы то ни стало!

Он увидел заветный карбасок, когда надежда уже почти покинула его, когда усталый день потихоньку заканчивался, и солнышко, зацепившись лучами за небесную сферу, повисло над западным краем земли.

Лодка выключнулась в линзах бинокля тоненьким, приплюснутым предметиком прямо посреди белёсого облака, сейчас, к концу дня, выкатившего толстые свои бока из морских пучин и так похожего на выгнувшуюся над морем гигантскую небесную арку. Катер теперь летел напористо и азартно прямо на это облако, как будто хотел его протаранить и воткнуться туда, в самое чрево его толстого пуза.

Издалека Егорша рассмотрел, что в карбаске никого нет. Это было очевидно, потому как никто не сидел на банках. Ни одна человеческая фигура не возвышалась над бортами.

Это вселило в него ужас. В голове, словно мерзкие жабы заворочались нехорошие мысли:

«А может, ее нет там... совсем...»

Катер быстро подлетел к карбаску.

Маргарита лежала на дне лодки. Неясно только, жива, или...

Егорша бросил в корму карбаска свой якорь и перепрыгнул через его борт. Лег рядом с Маргаритой, повернул к себе ее лицо.

Она пришла в себя не сразу, будто в самом деле окончательно покинула людей, обидевших ее, и не хотела возвращаться к ним.

Приоткрыла глаза, какое-то время глядела на него бессмысленным взором... Потом глаза ее начали внимательно разглядывать мир и его... Егоршу.

Она открыла рот и стала выдыхать нечто беззвучное... Затем голос пробрел силу, и Маргарита закричала пронзительно, со страшным, нечеловеческим волнением:

- Это ты!? Это правда ты!?

- Я это, я, - лепетал Егорша, потрясенный, совсем безумный от счастья.

А Маргарита долго-долго обнимала его, прижимала свои губы к его лицу, к плечам, к груди... С неистовой силой бесконечно влюбленной женщины.

Егорша кричал ей:

- Почему, зачем ты, Ритушка, сделала это? Уплыла от меня в эку даль! Я ведь помереть мог от тоски!

- Ты ведь ушел куда-то, а я без тебя не смогла... Не могла я без тебя!

Сквозь слезы, сквозь рыдания разобрал он, что к ней в дом, пока его не было, приходила какая-то Лизавета, изрядно выпившая. Повела она, что Егорша уехал от нее, от Маргариты, в город и возвращаться к ней не желает. Что они с ним любят друг дружку со школы, и она поэтому скоро уедет к нему тоже. И будут они там жить вдвоем.

- А ты, библиотекарша, в нашу с им любовь не встревай, - сказала Маргарите Лизавета.

- Я чуть с ума не сошла, Егорушка, думала, вот и все, бросил ты меня, любимый мой. А без тебя я жить не хочу...

Они любили друг друга , любили...

И еще сказала Маргарита:

- Я, Егорушка, понесла ведь...

- Кого понесла, куда?

- Дурачок ты мой, ненаглядный, ребеночка я понесла от тебя. Почти месяц уж...

И засмеялась, фыркая носиком, всхлипывая, посреди радостного смеха.

Егорша уткнул лицо Маргарите в плечо и заплакал. Навзрыд. От счастья. Как человек, который долго-долго нес тяжеленный груз и, наконец, сбросил его со своих плеч.

Из катера все поскуливал и взлаивал Друг. Ему очень хотелось расцеловать их обоих.

Ветер совсем стих, потом стал потихоньку задуть с восточной, морской стороны. И тихо-тихо начал приближать лодки к берегу.

К дому.